Билет: «Земля – Нордейл»

Автор:
Вероника Мелан

Билет: «Земля – Нордейл»

Вероника Мелан

ГородИгра Реальностей #7

Ей вынесли приговор и приговорили к выселению – что может быть хуже? Инга Крет, получившая вердикт на депортацию, полагала, что это конец ее приключений на Уровнях – дальше беспамятство, возвращение на Землю, прежняя нелюбимая жизнь. Но что-то пошло не так. Излишне сильно привлек внимание мужчина в серебристой форме, исполнявший наказание, и в Инге всколыхнулось неведомое, захотелось во что бы то ни стало вернуться, получить шанс на вторую встречу, уговорить водителя присмотреться к человеческой девушке внимательнее. И нет, она не подозревала, что Комиссионер Рид Герхер-Вард, всегда в точности исполняющий приказания, нарушит ради нее часть законов…

Утренний визит Эльконто к Бернарде, просьба помочь освободить с Войны друга. Неведомая случайность, в результате которой Даг Браун, товарищ Дэйна, окажется с помощью телепортера подальше от Войны, но гораздо ближе к Инге Крет – на Земле, в соседнем поселке. Еще удивительнее, что эти двое встретятся, и им предстоит пройти долгую дорогу бок о бок в поисках пути, ведущего обратно на Уровни.

Вероника Мелан

Билет: «Земля – Нордейл»

Там пахнет корицей, простором и морем,

Там карты иные, Реактор построен,

Там осень-старушка в уют завернулась,

Там спящее сердце восторгом проснулось.

Там люди другие; и есть Карта Судеб,

И знает лишь Дрейк то, что было и будет,

Волшебный ковер чудо ткет под ногами,

Там можно и нужно идти за мечтами,

Там парни стальные, законы туманны,

И ведает ими Комиссия странно,

Приду на вокзал, и кассирше, прищурясь.

«Один до Нордейла» скажу. И зажмурюсь…

Глава 1

Бернарда.

Этот балкончик на втором этаже особняка я не замечала до тех пор, пока его не «образила» Клэр. Откуда-то взялся на полу продольный мягкий половичок, пара панно макраме на стенах, цветущие у стены растения в кадках, столик и два плетеных стула. И все, балкончик стал моим любимым местом для завтрака.

Сейчас я с удовольствием потягивала утренний чай; за окном солнце, проклюнулась на деревьях зелень. Простор снаружи, простор внутри. Нордейл умел являть не только смену сезонов, но и вливать в тебя ощущения: если уж зима, то пушистая, с камином и падающим снегом, если лето, то с загорелыми щеками и сияющими после купания глазами. А если весна, то непонятная манящая свобода, будто проснулись не только спящие растения, но и новый резерв сил в тебе самом, в той части души, которая желает полета, новых впечатлений, достижений, бурной радости.

С некоторых пор у меня появился фетиш – приносить газеты из родного мира и читать их под чай с тонкими сладкими вафлями. Удивительный выходил контраст: в родном мире борются за власть, строят заводы, митингуют, выпускают новые лекарства, вводят правила дорожного движения, обсуждают матчи по футболу. А тут просто Нордейл. И всегда спокойно. Мне точно, потому что за спиной всегда силуэт любящего, способного защитить от всех напастей Дрейка. Дрейка, который по щелчку пальца выстроит новый Уровень или снесет старый. Это знание всегда щекотало изнутри солнечной пыльцой.

В этот раз я читала новости международные: про стариков на Кубе, упрощенную систему получения виз на Мальту и пропавшую у берегов Бали подлодку. Так интересно узнавать о родном мире из мира параллельного, все равно, что сидеть в кинотеатре, заняв лучшее место и нацепив на нос 3D-очки.

Когда на балкон шагнул Дэйн, я как раз шуршала страницами.

Белобрысый здоровяк штурмовал наш дом пару раз в неделю по утрам: приходил за печеньем, которое специально пекла для него Клэр. Печенье это в больших пакетах (дышащих! Она специально покупала дышащие, чтобы выпечка не становилась затхлой) уезжало в штаб, где съедалось, как я полагала, Дэйном (в большей части) и Стивеном (в меньшей). Может, перепадало кому-то еще, но я бы поставила пару монет на то, что Эльконто делиться с младшими служащими не желал, потому как слишком сильно прикипел к рассыпчатым «буа», выпеченным по секретному рецепту. Буа, которые я прозвала сначала «буашками», а позже «букашками», обсыпались миндальными лепестками и изобиловали шоколадной крошкой. В общем, вкуснота необыкновенная.

– Читаешь?

На меня зыркнули, продавив тушей соседнее кресло.

– Ага.

– Новости твоего мира?

Коллеги знали о моем увлечении. Тем оно было для них занимательнее, чем меньше каракуль они понимали в заморском тексте.

– Точно.

Дэйн попытался сесть по-барски и вытянуть ноги, но балкон оказался слишком коротким – ноги пришлось задвинуть под стул.

– Почитай мне первое, что попадется.

– Ты же все равно ничего не поймешь…

– Ну я так, из любопытства.

Я улыбнулась. Рядом с Эльконто всегда было тепло и надежно. И еще весело.

– Ладно… – Открыла наугад. – «Сегодня в должность вступает индийский раджа Говиндан…»

– Гавёндан? – Эльконто аж склонился со своего стула к моей газете. – Там так и написано? Гавнадан?

– Говиндан, – прыснула я.

Когда у мужика рост под два метра, белый ежик на голове и выпученные глаза – это смешно.

– Да ну! Не мог никто в трезвой памяти назвать сына Говнодамом. Вот не верю!

– Ну это же Индия, другая страна… Может, там это означает «солнцеликий» или, я не знаю, «ясноглазый».

– Ясноглазый Гавёндан? – Дэйн вдруг расхохотался так раскатисто, что затряслись стекла в рамах. – Нет, ну это ж надо было придумать!

Я не стала еще раз объяснять, что не «Гавнадам», а «Говиндан». Бог знает, действительно, какое значение это имя имело у индусов, но на русском звучало забавно. А нашему снайперу только дай все, что связано с «гомном», и шутки посыплются как из рога изобилия.

Какое-то время Дэйн молчал, думал. Запустил руку в пакет с «букашками», принялся их складывать одну за другой в рот. Прежде чем обратить внимание на неестественную тишину, я успела дочитать статью и просмотреть пару заголовков ниже. А после взглянула на Дэйна.

Он всегда смеялся, будто носил личину. Эдакий бравый неунывающий парень, способный под собственный смех пройти любую заварушку, но я не была бы Диной, если бы не научилась определять степень серьезности под зеркальным озером из шуток.

И сейчас снайпера что-то скребло изнутри, я бы даже сказала, глодало. Наверное, думая о своем, он доел бы половину пакета, просидел бы со мной еще минут десять, а после поднялся и ушел. Но я спросила:

– Эй, что не так?

Эльконто встрепенулся. Понял, что маска дала трещину, хотел было ее прикрыть новой, сотканной наспех, но решил, что со мной можно быть честным, вздохнул.

– Да случилось тут кое-что неприятное.

– С кем? С Ани?

– Да нет, слава Создателю, не с Ани.

А по поводу кого ему тогда горевать?

– Говори уже…

И я уставилась на двухметрового друга, с которым мы, так вышло, прошли и огонь, и воду, пристально, как сова.

– Ты же знаешь, что я руковожу Войной…

Удивил. Знаю.

– Так вот туда попал один мой знакомый человек, друг.

– В смысле попал? Как повстанец? – я задумалась. – Ну пройдет до конца или проснется, если схватит пулю.

«Ани же прошла».

– В том-то и дело, – Дэйн вздохнул, – что не как повстанец. А как солдат.

Солдаты, вспомнила я, это те, которые на обратной стороне, которые воюют против повстанцев. Обычно это осужденные, сосланные на смерть. И солдаты с Войны обратно на Уровни уже не выходят, только в свой мир в случае смерти. Дрейк когда-то давно мне эту схему объяснял, но запомнила я ее лишь формально, без деталей.

– В смысле как солдат? Он был осужден?

– Был. И сослан на Войну пожизненно.

Неприятно. Но я вдруг подумала, что неправильно будет идти к Дрейку со словами «помоги другу Дэйна» – что-то в этом случае не клеилось и не вязалось, как будто интуиция заранее заявляла о том, что шаг этот будет неверным. И потому я умолкла на целую минуту.

Эльконто вздохнул, понял.

– Я и не хотел, чтобы ты шла к Дрейку. В конце концов, я бы сам к нему пошел, если бы чувствовал, что так правильно. Но что-то подсказывает мне, что ответ будет жестким.

Вот и мне что-то подсказывало то же самое.

Тема, конечно, щекотливая. С одной стороны, знакомый Эльконто и, значит, не чужой человек, с другой – не всем друзьям друзей можно помочь, если последние оступаются. Следующую фразу, чтобы не обидеть, я выбрала максимально осторожно:

– Ну… он погибнет, вернется в свой мир. Может, тоже неплохо? Может, он завершил дела на Уровнях? Дрейк ведь объяснял, что те, кто получил необходимый опыт…

Дэйн продолжал мрачнеть.

– Я бы не парился, если бы все так, как ты говоришь. Но он хороший парень и еще – лучший боец. Один из лучших, кого я знаю. Сражаться там он будет до конца. Год, два, десять, двадцать… Как Бойд.

Как Бойд – это плохо.

При всей моей нелюбви к подобным темам, я все же спросила:

– А за что его осудили?

Прежде чем ответить, Эльконто долго молчал. Прожевал одно печенье, после еще сразу три, вытер рот тыльной стороной ладони.

– Я Брауна знаю уже не первый год. Он мог бы быть одним из нас, мог бы работать на Комиссию, настолько он хорош. Просто его никто не позвал. Или он не захотел, я не знаю. Он работал в частном агентстве телохранителем, последние пару лет охранял какого-то дельца – имени не знаю. И делец этот сильно прокосячился, за ним пришли из Комиссии. А Браун не понял, что Комиссионеры (они были в штатском), попробовал уложить одного из них, схлопотал сразу «пожизненно». Ты же знаешь, какие у нас законы, если на

«Вертера» руку поднять.

Я знала. Жестче жесткого. Комиссионеры и без того не очень любили прощать, а уж если попытка атаки…

– То есть этот Браун попытался, сам того не зная, грохнуть Комиссионера?

– Угу.

Тогда понятно, почему Война.

– Ну, может, он завтра умрет на твоем Уровне…

– Не умрет, я тебе уже говорил. Будет воевать там до конца. Такие, как он, не сдаются. А война, особенно наша – бессмысленная и бесконечная, – выжигает. И за десять лет ничего не останется даже от самого хорошего человека. Вот потому я и мрачный. Раз уж ты спросила.

Наверное, можно было на этом завершить беседу. Хороший день, солнечный, как-нибудь все рассосется. Эльконто отправится в штаб, съест еще штук тридцать «букашек», вечером его подбодрит Ани… Но меня вдруг тоже начало что-то царапать. При всей моей любви к Нордейлу и Уровням, Комиссия на мой человеческий взгляд не всегда справедливо поступала. Хотя Дрейк, наверное, со мной бы поспорил. Привел бы кучу непонятных для меня, но очень умно сформулированных доводов, сказал бы «поверь мне» и мне пришлось бы поверить. Я любила Великого и Ужасного, а любовь без доверия – не любовь.

Но Дрейк отсутствовал в Нордейле, потому как уехал на пару дней исследовать неизвестное мне «вторичное ядро» в параллельной системе. Видит Бог, я ничего не смыслила в этой формулировке, но понимала, что пока его нет, и доводов нет. Браун воюет, Дэйн грустит.

– Слушай, – спросила я после долгой паузы и напряженного скрипа мозгов, – а этот твой друг, он не агрессивен? Не маньяк, не моральный урод?

Дэйн посмотрел хмуро.

– Нет. Ручаюсь за его характер. А что?

– Можем его переместить в мой мир, вот что. Просто не хочется перемещать туда всяких… нестабильных умом личностей, если ты понимаешь. Я ведь свою планету тоже люблю.

– Переместить?

Мы долго смотрели друг на друга, как конспираторы.

– Ну смотри. Если Комиссия отправила Брауна на Войну, значит, им все равно, что в определенный момент он исчезнет с Уровней, так?

– Так.

– И наверняка им все равно, исчезнет он через десять лет или сегодня? Так зачем человеку выгорать?

Светлые брови Эльконто поползли вверх.

– Сегодня?

Угу, потому что Дрейк скоро вернется. И если он вернется, а мы не завершим с этим делом, то мистер Начальник может наложить на наши действия строжайший запрет. А пока он его не наложил.

– Время – цигель. – Я постучала по запястью с часами.

– Что?

– Ничего. Просто надо изъять твоего Брауна до возвращения Начальника и с чистой совестью забыть об этом. Как будто ничего не было.

– А по шее не получим?

Вопрос на миллион. Шанс, конечно, имелся. С другой стороны, я не видела противоречий в системе: в случае смерти солдаты уходят с Войны по родным мирам. Кому какое дело, если один хороший парень уйдет без «случая смерти» и не в свой мир, каким бы он ни был, а в мой? Там, конечно, придется разобраться с деньгами, жильем и документами, но это все можно продумать позже, сейчас, главное, не попасть под прямой взгляд «всевидящего ока».

– Давай договоримся так. Ты пока отправишься на Войну, отыщешь своего друга, приведешь его в штаб, чтобы безопасно. Заодно приведешь туда и Халка…

– А Халка зачем?

– Чтобы он измерил уровень стабильности сознания, агрессии и так далее. Мне нужно быть уверенной, что я не перекину на Землю морального урода.

– Логично, согласен.

– А после дашь мне сигнал с помощью браслета о том, что все готово. Я пока подумаю над деталями.

Вот тебе и утро. Газету не дочитала, чай не допила, взялась спасать «рядового Раяна».

Но было в этом всем нечто важное – у Дэйна в глазах прояснилось. Будто отошел в сторону тяжелый камень, будто туча, закрывшая солнечный свет и настроение, рассеялась. Важен, однако, нашему снайперу был этот друг.

– С тебя пять «букашек»! – я нагло протянула руку, хотя могла бы пойти на кухню и попросить Клэр приготовить мне свой собственный мешок. Но тут ведь важен принцип, а не печенье.

Эльконто с готовностью запустил огромную лапу в мешок и вытащил для меня намного больше, чем пять. Высыпал все это в подставленные ладони, откуда «буашки» благополучно перекочевали в чайное блюдце.

– По рукам! Теперь за дело.

Прежде чем подняться, Дэйн посмотрел на меня серьезно как никогда.

– Я твой вечный должник.

– Вечный, – подтвердила я каменной рожей краснокожего вождя. – Так и запомним.

Уходя, снайпер все-таки ухмыльнулся. Значит, возвращалось к нему благодушие, значит, не зря.

Глава 2

(Furkan Sert – Hold on to Me)

Тот, из-за кого все заварилось, Браун, сидел в штабном кресле Эльконто спиной к экранам. Без наручников, небритый, понурый, с разбитым лицом, но, судя по взгляду, несломленный. Точно, второй Бойд.

Халк остановил меня в коридоре. К тому моменту, когда на моем браслете загорелась кнопка вызова, я все еще ломала голову над тем, где и как снять другу Дэйна квартиру и что делать с его документами – единая схема действий не складывалась.

– Я его посмотрел, – сообщил Конрад тихо, – и…

Пауза после «и» мне почему-то совсем не понравилась.

– И что?

– Уровень агрессии… в пределах нормы, я бы сказал. Практически.

– Практически? Давай простыми словами, чтобы понятно.

В штабе всегда царил полумрак, и на фоне загорелого лица сенсора светлые глаза мерцали.

– Он… на взводе. Возможно, потому что еще час назад воевал.

– Успокоится, если поместить в благополучную среду?

– Шанс есть. Пока данные такие, что в беспричинную драку он сам не полезет, но, если скажут дурное, ответит ударом.

– Понятно.

Это спутало планы еще сильнее. Значит, Брауна не желательно помещать в густонаселенный пункт, то есть в город. Лучше куда-нибудь подальше от людей. В поселок, деревню? В глушь? Где же искать там жилье?

– Сможешь добавить ему спокойствия принудительно?

– Я бы не стал с этим торопиться.

– Почему?

– Сначала поговори с ним. Поймешь.

– Ясно.

И я двинула в главную комнату с экранами.

Здесь даже внутри помещения война ощущалась войной. Слишком смурные лица, неуловимый запах гари от одежды; синяки и царапины на лице заключенного не добавляли атмосфере радости.

Я впервые сумела разглядеть его, Брауна. Высокий мужик, ладно скроенный, волосы сверху удлиненные, щетина, взгляд жесткий. Мне даже вспомнились отрядные в те времена, когда я не была частью команды, а была их нежеланной

возможной будущей «коллегой». Тогда я вдоволь кололась о такие вот недоброжелательные взгляды, пробирающие до позвоночника. Один Баал чего стоил… Человек в кресле не смотрел столько же неприязненно, как некогда Регносцирос, но и дружелюбием не лучился. И я решила перейти к главному без предисловий.

– Мы предлагаем тебе выбор: остаться на Войне или переместиться в другой мир, где царит мирная атмосфера. Снабдим на первое время денежными средствами и жильем, дальше сможешь устроить жизнь по желанию.

Браун, чьи глаза были не то серыми, не то голубоватыми (в полумраке и не разобрать), покосился на стоящего рядом Дэйна.

– Она кто такая?

– Ты лучше ее слушай. И внимательно.

Я редко слышала в голосе Эльконто сталь, теперь же она прорезалась.

– Я смогу тебя переправить. – Я намеренно выбрала это слово вместо «телепортировать» – ни к чему подробности. Добавила мягко: – Зачем тратить годы на бессмысленную бойню здесь?

Пленник какое-то время молчал.

– С чего ты мне помогаешь?

Он не был склонен доверять, в бесплатный сыр тоже давно перестал верить.

– Потому что я ее попросил, – рыкнул снайпер. Я давно не видела его не «душкой», тут прямо удивилась, заново присмотрелась к вдоль и поперек знакомому Дэйну. Конечно, другой человек не смог бы править войной, и, может, хорошо, что таким, как здесь, я видела его нечасто. Тут, в подземном бункере, властвовал человек, стреляющий без промаха, рука которого при нажатии на спусковой крючок не дрожала. Из-за разительного контраста на «ежика» я смотрела долго. После вернулась к Брауну.

– Что думаешь? Интересно тебе наше предложение?

В дверном проеме за моей спиной наблюдал за нашим диалогом сенсор.

– Переехать в другой мир?

– Да.

Пауза.

– Вообще-то… я планировал вернуться на Уровни. Когда выйду.

– Ты не выйдешь, – прояснил Дэйн, – солдаты с Войны выходят только в смерть. А после отправляются по родным мирам.

– Я… не могу.

Странная фраза. Совершенно не по плану, как и все сегодня. Я думала, Браун обрадуется возможности избежать долгого и бессмысленного наказания, ухватится за возможность, но он лишь мрачнел.

– В чем дело? – спросил за меня Эльконто. – Хочешь воевать здесь до победного? Так у этой Войны нет ни смысла, ни конца. Зря я, что ли, хлопотал за тебя?

И впервые тот, кто сидел в кресле вздохнул, понурился, потер глаза. Не по-солдатски, по-человечески.

– У меня здесь… любимая женщина. Я обещал ей, что вернусь.

Тьфу ты, раздраженно сплюнула внутри меня Динка. Я ее понимала. И этого парня тоже. Если ты обещал вернуться, жить в другом мире не захочешь.

– Дэйн, – позвала я тихо, – надо поговорить.

Уже в коридоре мы общались на минимальной громкости.

– Послушай, я не знал, – оправдывался снайпер. – Он ничего мне не говорил про женщину. Может, недавно нашел?

– Дело не в этом. Если я перекину «семью», Дрейк меня точно не похвалит. – «Даже при всей своей любви ко мне». Некоторые вещи я знала наперед. – Делать-то что?

– Возвращать его на Войну?

– Он умрет на ней. Рано или поздно. И тогда точно на Уровни не вернется.

– Есть идеи?

– Есть. Но очень зыбкие пока…

– Валяй.

Теперь слова приходилось выбирать осторожно.

– В общем, выбор у тебя такой. Либо остаться здесь воевать, но в случае, если схватишь пулю, мы не будем знать, где тебя искать, потому что ты окажешься в том мире, откуда попал на Уровни. Либо ты можешь переждать некоторое время в спокойном месте, а мы подумаем, можно ли переправить данные о тебе в Комиссионной базе. Процесс, как сам понимаешь, не простой. Возможно, ничего не выйдет… Никаких гарантий… Ты должен это понимать.

Браун слушал внимательно. Вообще-то он был мне симпатичен даже своей недоверчивостью. Он был адаптированным защищаться, выживать, он еще не вышел из режима бойца. Его слова про женщину дали понять, что он нормальный, такой же, как я или Дэйн, просто человек, не желающий разлучаться с тем, кого любил.

– Так что, пойдешь назад на поле боя? Или начнем искать тебе мирное жилье?

В чужих глазах напряженность, попытка предугадать, действительно ли изменение в Комиссионной базе данных возможно, отчаяние, нежелание сделать ошибочный выбор.

– Я настаивать не буду, – я вздохнула. В конце концов, у меня много других дел на сегодня. – Решай.

В Брауне примерно метр восемьдесят пять и куча килограммов голимых мышц. В километре от бункера рвутся снаряды, гибнут люди. Оставшиеся выживают на редких сухих пайках и полупустых аптечках. Не жизнь, а полное дерьмо, все мы помнили рассказы Ани-Ра…

– Жилье, мирное, – выдал Браун, наконец, хрипло. – Но я должен буду вернуться.

Вот же упертый.

Ты сначала Войну покинь, покачала я головой. Baby steps, как говорится. Один шаг за раз, а там видно станет.

Глава 3

(UNSECRET feat. Katie Herzig – Buried)

В тот же день.

Инга Крет.

– …ваша безответственность привела к повреждению конструкции моста и человеческим жертвам. Вы это понимаете?

Зал Комиссионного Суда. В третий раз за мою недолгую жизнь. Первые два раза я отделалась устными предупреждениями (повезло): сначала была задержана в компании парней, торгующих дурью, после, пытаясь отбиться в подворотне,

стукнула одного урода камнем. И нет, он не умер, поэтому меня не лишили свободы, но в этот раз…

Как им объяснить, этим безликим роботам, что все случившееся – просто банальное невезение? Да, я не самый лучший человек в мире, признаю. Временно безработная, люблю позависать по вечерам в барах – кому нравится одиночество? Я просто пыталась построить свое счастье. Вчера вечером пыталась, между прочим, тоже, когда писала за рулем смс о том, что вырвалась из пробки, что уже еду. Парень, пригласивший меня на свидание, выглядел приличным, хотелось уже, наконец, счастья. Это наказуемо?

Кто бы думал, что меня вынесет на мосту на встречку, что там обнаружится грузовик, вильнувший из-за моего нелепого маневра, что цистерна с бензином окажется слишком тяжелой, что грузовик завалится, а спустя пару секунд полыхнет. И да, наблюдая за свершившимся в зеркало заднего вида, я была в ужасе.

Мост повредился – это правда. Я вздохнула.

Мне сказали, что водитель не умер, отделался ожогами, что его вылечат за Комиссионный счет. Значит, все хорошо?

Но хорошо не было, судя по лицам троих в серебристой форме, сидящих за столом. Еще один, стоящий у двери, сверлил меня тяжелым взглядом.

«Просто невезение…» – хотелось сказать мне, но с ними бесполезно спорить. В первые два раза я еще пыталась.

– Понимаю. Признаю вину, – прошептала тихо.

Меня ведь не казнят? Не приговорят к смерти? Кроме водителя, жертв не было. Вроде бы…

– Вы скрылись с места преступления.

– Я… напугалась.

Нужно было остановиться и бежать к пламени, которое взвилось до неба? От паники, испытанной вчера вечером, до сих пор в горле колотилось сердце. Ночь, проведенная в глухой комнате без окон, добавила лишь разбитости.

«Попала. По полной».

Комиссионеры нашли меня быстро, слишком быстро, я не успела добраться даже до дома.

– Инга Крет, жительница четырнадцатого Уровня, – средний мужчина, уткнувшись в бумаги, помолчал. – Вы приговариваетесь…

У меня кадры из фильма ужаса кружили перед глазами – рудники, сырые камеры, закрытые Уровни. Что из этого страшнее? Меня собирались лишить свободы, а это все равно, что убить. И никто не дал воды смочить пересохшее горло.

– …к депортации из Мира Уровней. Код D2C. Исполняйте.

Последнее бросили стоящему у двери человеку в форме.

Мой мозг оглох. Депортации? Меня выселяют с Уровней? Куда? Я слышала про родные миры, но чтобы в них попасть, нужно было умереть. Меня лишат жизни? Казнят? Что такое это D2C?!

Самостоятельно я не смогла сойти даже с трибуны, на которой стояла – мне помогла, взяв за локоть, чужая жесткая хватка.

* * *

(J2 feat. Coleen McMahon – Flame Keeper)

Он, тот самый, который вывел меня на улицу, сидел теперь за рулем машины. Я почему-то думала: будет новая камера. Стол, шприц с ядом или газ… Хорошо, если не электрический стул. Улица – это хорошо, улица – лучше камеры.

Пока водитель заполнял светящуюся табличку, что-то помечая, я чувствовала себя неадекватным укурком. Мне было смешно, почти весело, а еще до ужасного страшно от того, что случится дальше. Отсюда полный сумбур: я словно уже выпала с Уровней, но никакой почвы под ногами – нужно забыть дом, этот город, людей, которых я знала. Для них меня больше нет, ни для кого нет.

– Не убивай, – попросила я хрипло.

На меня посмотрели спокойно и тяжело. И я впервые заметила, что водитель красив. Чертовски. От этого стало еще хреновее. Он был одним из тех, с кем бы я трахнулась, а это большой комплимент. Есть такие девчонки, которые, глядя на фото парней, говорят: «Ну… он ничего», «сойдет» или «симпатичный». Я такого не говорила почти никогда. Для меня мужики обычно делились на «страшный» или «полный урод». Не знаю, почему так. У кого-то была не та форма головы, у кого-то торчали уши, у кого-то были невыразительными глаза, скулы или рот – для меня всегда находились недостатки.

Но только не у этого.

Лицо правильное, очень волевое. Практически журнальное, только с налетом жесткости, очень прямым пронзительным взглядом, красивым носом, четко очерченными губами. И эти едва заметные складки у рта – мужик-кремень. От него фонило, как от ядерной боеголовки; ему шла эта чертова серебристая форма с белыми полосами на рукавах. Рядом с таким… было не страшно.

Совершенно тупая мысль, когда тебя собираются казнить. Наверное, мой заполошный мозг цеплялся за любую отвлекающую в критичный момент ерунду и потому зацепился на облике водителя намертво.

Глаза зеленые… Или бирюза с голубым – в обманчивом свете фонарей сложно понять.

– Казнь тебе не назначена, – ответили мне ровно.

Депортация. Я помню. Только через что – через повешенье?

– Если будешь убивать, сделай безболезненно, – попросила я тихо, – усыпи для начала.

– Успокойся.

Это был приказ. Приказ того, рядом с кем бесполезно трепыхаться, рядом с кем лучше не поднимать голову, не смотреть прямо, не говорить.

Машина тронулась; я сжала трясущиеся ладони коленями.

Мы выезжали из города. Зачем? Не знаю. Может быть, для того, чтобы прибыть к месту депортации, а может, этой капсуле времени в виде серебристого автомобиля требовалась скорость.

Капсула… Шутка, если бы мир за окном изредка не вздрагивал, не делался странно зыбким, ненастоящим. Мы все еще ехали по дороге, но уже существовали в некоем ином временном измерении, я чувствовала.

Человек рядом со мной спокоен, как скала, сосредоточен на руле, на полотне дороги или на чем-то еще; руки у него красивые, думала я отстраненно, очень мужские. В меру жилистые, с выпуклыми венами, руки человека, обладающего силой.

– У меня есть право на последнее желание? – спросила я, когда дома стали делаться все ниже, когда богатый район сменился спальным.

– Сигарету тебе дать? – в голосе ноль издевки, скорее, равнодушное любопытство.

И ведь он, наверное, дал бы, но я подумала, что покурить я успею позже. Когда-нибудь, где-нибудь.

– Нет… Просто… покатай меня. Нравится… с тобой ездить.

Сосед взглянул на меня, и мелькнула мысль о том, что я никогда, наверное, не научусь определять, о чем он на самом деле думает.

– Прокатить тебя до родного мира?

Звучало странно.

– А ты можешь?

Он просто отвернулся, вернулся вниманием к дороге, но я успела уловить ответ, прозвучавший в его ауре, – я много чего могу.

– Прокати…

Не верилось, что это может быть правдой.

– Я должен тебя усыпить.

Красный сигнал светофора сменился желтым, затем зеленым; водители соседних машин не подозревали о том, что невзрачный серебристый седан, полоса на боку которого пока не видна, является Комиссионной машиной, депортирующей проштрафившуюся девчонку «домой».

– Не надо. Пожалуйста.

Мой последний шанс полюбоваться этим миром. Но куда больше меня поглощало другое – мой раздвоившийся разум, который помимо беспокойства и волнения о собственном будущем, начал вылавливать другое – ощущение того, что мне хорошо с этим парнем в серебристой форме. Плевать, что сейчас не время, что мы неясным мне образом отдаляемся от Нордейла, хотя все еще находимся на одной из его дорог. Я отделялась от себя суетной тоже и ощущала, что, возможно, в первый раз за долгие годы тихо счастлива. Очень-очень тихо, но все же.

Комиссионер впервые посмотрел на меня задумчиво – мой палач и мое умиротворение в одном лице.

– Пристегнись.

Значит, спать не будем. Я знала. Я знала!

И оказалась права еще в одном – эта машина на самом деле являлась капсулой времени. Почти стемнело, когда она, выехав за город, разогналась до чудовищной скорости. И нет, ни тряски в машине, ни надрывного шума двигателя – спокойствие и тишина, вот только мир по обочинам раздвоился и размылся окончательно. Потерялось в неясной дымке шоссе, слилось с горизонтом небо – его вообще больше не было, неба. Мы неслись не через расстояние, мы не поглощали километры – я засмотрелась на происходящее, потонула в удивлении и немом восторге, – мы неслись через грани невидимого кристалла. Мягко пересекали границы миров – одного, другого, третьего… Почти невозможно стало дышать: не от страха, от замершего во мне изумленного шока. Откуда-то я знала, что сейчас, именно сейчас, по обочинам от нас несутся самые настоящие темные леса, в которых обитают орки и эльфы, через секунду мы там, где нет ничего, кроме вулканов, еще чуть дальше пейзажи с суровыми скалами и крутыми обрывами. Где-то живут такие же, как я, люди. Где-то существа, совсем на людей непохожие. Миров множество, фронтиров – переходных полос – еще больше, и только мой сосед знал, где и когда нужно остановиться.

Я посмотрела на него… и зависла. Никогда ни с кем я не ощущала того единения, какое чувствовала сейчас с этим мужчиной – полное. Плевать, что на нем серебристая форма, что сейчас он играет моего «проводника», совсем неважно, как меня саму зовут. Наверное, то был побочный эффект смещения реальности – мне было уже не до этого. Я тонула в чувстве, которого не испытывала никогда – он мой. С ним я готова быть до конца. Тот самый. И нет, то было не предположение, но явившееся прямо изнутри меня чистое знание. Мне был нужен этот сидящий за рулем Комиссионер, нужен целиком и насовсем, мы с ним одно целое. За таким я готова пересечь пространство и любую трудность, такой всегда найдет способ приблизить нашу с ним встречу…

И прямо посреди зыбкой реальности в тихом салоне я произнесла:

– Ты мой мужчина. Ты об этом знаешь?

Не подозревала, что такое возможно, но, вероятно, для него было возможно все, потому что машину он остановил прямо посреди «ничего», посреди марева. Если под колесами седана и существовала дорога, я ее не видела. А из тумана, клубящегося за окнами, могло выйти что угодно.

Комиссионер смотрел на меня. Смотрел странно, с едва уловимой насмешкой и сожалением. А может, мне так казалось. У него красивые, глубокие глаза, но еще глубже он сам – колодец. Мой колодец. И нет, он не мог пропустить мои слова мимо ушей, потому как в них звучала не стопроцентная даже уверенность, но чистое знание. То самое, когда сомнений быть не может.

Эта пауза в салоне, полная тишина.

Чужой фон плющил, сминал изнутри – я на это плевала. Сейчас я отсекла все лишнее, даже если это лишнее влияло на мою физическую оболочку.

– Я не человек, – ответ без эмоций.

– Мне все равно.

Сейчас я напоминала себе героиню фильма, у которой, наконец, появилась в жизни цель, и, значит, миссия. Стрелка компаса в пустой до того коробочке, и стрелка эта указывала на мужчину слева.

– У тебя стресс.

Он имел в виду тот факт, что туман, клубящийся вокруг, и то, что мы только что катили черт знает через что, повлияло на мое сознание.

– Это не стресс.

Ну уж нет, мою стрелку теперь не сдвинут с верного курса и магнитные горы. Надо же, сколько лет я бродила по Уровням в поисках своего человека, а нашла его в критический момент жизни, во время перемещения в иной мир.

– Ты знаешь, о чем я говорю. Внутри. Ты это чувствуешь.

Пусть мы пока разные, пусть я еще не привыкла к этому слишком прямому взгляду в самую душу, пусть мне пока хочется сложиться перед ним карточным домиком – это все равно он. Мой. Мой. Мой.

Водитель молчал – самый знаковый момент моей жизни, когда за окном сплошная серость. Когда мы сами в «ничто».

– Возьми меня за руку, – попросила тихо.

Тишина.

У него был странный взгляд с примесью теплого цинизма. Взгляд очень уверенного в себе человека, и еще уверенного в том, что сбоев у системы его жизни не бывает.

Но они бывают.

– Хочешь умереть?

– Я не умру. – Да, наверное, будет неприятно, но я с детства отличалась чрезвычайной «проводимостью» для человека, могла терпеть малые токи. – Возьми.

Раскрыла лежащую на своем колене ладонь.

Прежде чем сделать это, он долго думал. И, в конце концов, протянул, накрыл своими пальцами мои.

Меня прошило разрядом, и совсем не слабым. Треск через каждую клетку тела – это неприятно, сразу затошнило, замутило, но я задвинула ненужные побочные эффекты прочь. Ощутила другое – связь между нами. Ту самую, которой так же, как и мне, не важны «мелкие» различия – строения, формы и формулы. Убедилась в главном: с ним хочу быть где угодно, до конца. Да, наверное, мне всегда будет хотеться падать перед ним на колени: представитель чужой расы давил своим фоном и отношением так, что лицом сразу в пол, но… И это самое НО разрушало все преграды.

Он убрал руку до того, как у меня начало меркнуть сознание. Смотрел долго, и я впервые уловила во взгляде напротив что-то новое. Тень удивления. Попытку приложить некую абсурдную теорию на мир из давно уживших ся между собой убеждений. Инакомыслие. Пусть пока еще чрезвычайно слабое, но уже забившуюся в шестеренки песчинку. И если он, привыкший к отсутствию эмоций, сможет ее перемолоть, то я – никогда.

– Ты везешь в другой мир свою женщину. – Я совершенно некстати рассмеялась; туман за окнами, отозвавшись, колыхнулся.

– Сумасшедшая. Человеческая. Девчонка.

Прозвучало ровно. Цинично. Холодно. И совсем чуть-чуть тепло.

Руки на руль, взгляд на дорогу; машина снова тронулась.

Мне было плевать на то, что он не верил. Я была счастлива оттого, что в нас верила я.

Наверное, мы ехали всю ночь, так мне казалось. Невозможно определить время, когда нет ни неба, ни солнца. Шок от прикосновения (жаль, я пока слабовата, но это изменится) повлиял на уставший разум пагубно – я уснула.

Проснулась тогда, когда седан уже стоял в туманном лесу моей родной планеты. Не знаю, как я узнала, почувствовала – это Земля. Другой запах, другой воздух, другая атмосфера, после Уровней отличия налицо.

И встрепенулась. Мало времени, очень мало времени, чтобы сказать главное…

– Не стирай мне память, – попросила сразу. Наверное, у него приказ, ведь так было бы правильно, так нужно сделать.

– Выходи из машины, – прозвучало ровно.

А выходить нельзя, ведь он просто уедет, я не успею…

– Я вернусь, – я смотрела на мужчину, в котором успела увидеть собственное отражение, жгуче, остро, – найду дорогу обратно.

– Тебя осудят за это.

Мне все равно.

«Ты стоишь этого. Стоишь всего!»

Он смотрел в ответ тяжело, чуть устало. Как будто много о чем-то думал, как будто так и не нашел способ, которым вирус мог бы сломать систему.

– Выходи из машины.

Я не могла не подчиниться. Но отрывалась с кусками души от того, к кому прикипела, припеклась. Готова была рычать от беспомощности. И испытала чудовищное облегчение, когда он вышел тоже. Подошел ближе, близко.

«Сотрет память!» – я уперлась спиной в ствол дерева. Стоящий в нескольких миллиметрах от тебя Комиссионер – это само по себе пытка, слишком сильное давление на психику, тело, эмоции.

– Я буду тебя помнить, – заявила уверенно, – даже если сделаешь это.

Но он просто смотрел. Не мог удалить у себя в голове странные новые засечки с идеально гладких до того орбит привычного хода мыслей.

И никуда моя уверенность в «нас» не делась, она окрепла, когда я окончательно потонула в отражающих туманный лес зрачках.

Я изнемогала от отчаяния, предчувствуя расставание. И мне до отчаяния сильно нужно было знать одну вещь:

– Выпьешь со мной кофе, когда я вернусь?

Он слышал душой, я была в этом уверена. Не тем, что делало его Комиссионером, не привычными взглядами «инопланетянина», не панцирем, в который был укутан.

Наверное, так Галилео Галилей надеялся оказаться правым в своих теориях, как мужчина, который вдруг наклонился близко к моему лицу, желал знать, возможно ли невозможное. Горячее дыхание, запах лосьона и кожи, шорох серебристой одежды, искры в воздухе от сближения. Он коснулся моих губ лишь мимолетно, совсем чуть-чуть, запечатлел себя, вдохнул меня куда-то в центр своего ядра. А может, просто прощался с «дурочкой», возомнившей невесть что.

Во мне же после этого касания-поцелуя навсегда образовалась новая нейронная сеть, в каждой клетке тела. Стрелка-указатель, клеймо и заодно прочный под ногами плот.

«Мы. Теперь у меня есть мы».

– Будешь меня ждать? Когда я вернусь?

Тот, кто мне внутри уже принадлежал всецело, просто отошел. Не стал стирать память, но обронил:

– Попробуй.

«Попробуй. Вернуться».

Это «попробуй» означало многое: что инакомыслие все же зацепилось в нем, что механизм, до того работавший без сбоев, допустил маленькую ошибку, способную перерасти в настоящий эксплоит. Это слово означало надежду и шанс.

Я стояла там, где не хотела быть. В неизвестной мне местности, в смешанном лесу, видимо, очень рано утром, а человек, привезший меня сюда, уходил. Вернулся к машине, открыл дверцу – я силилась запомнить абрис его спины, затылка, плеч, вынужденно прощалась, – что-то взял в салоне, вернулся.

Протянул сверток из серебристой ткани.

– Возьми. Пригодится.

Протянутое я взяла на автомате.

– Скажешь, как тебя зовут?

Я хотела быть с ним. С ним же вернуться в автомобиль, сесть в салон и укатить обратно на Уровни. Но рок, подавший мне самый лучший подарок в жизни в виде желанной встречи, отобрал и возможность выбирать.

– Я для тебя – исполнитель приговора.

«Какие имена?»

Кажется, в нем впервые мелькнуло что-то теплое. Мелькнуло, как лучик солнца на поверхности волны – был или нет, не поймешь.

И человек в форме снова отправился к машине. На этот раз, чтобы уехать, я это знала.

– Как тебя зовут?

Мне очень хотелось это знать, хотелось смаковать его имя ночами, гладить его своими мыслями.

И нет, Комиссионер ничего не сказал, но прошелестело в воздухе: «Возвращайся». Никто не услышал этого слова, только я, только мое воображение.

– Я Инга, – крикнула я вслед. И неважно, что мой спутник уже слышал мое полное имя в Суде. – И я научу тебя смеяться.

Взгляд поверх крыши машины до того, как сесть внутрь. И в этом взгляде та самая песчинка, грозящая нарушить ход вековых часов. Или перемолоться жерновами привычной системы.

Он уехал. Я осталась.

Мы разделились.

Мы встретимся снова.

Я та еще оторва, я найду выход, всегда находила. У меня не самый лучший характер, но он пробивной, и я всегда мечтала о человеке, рядом с которым меня сплющит от беспомощности, нежности и обожания. Этой ночью я его нашла.

Жаль, что ни куртки, ни теплых штанов; утром в этом чертовом лесу было холодно.

С сожалением глядя на то место, где недавно стояла машина и где не осталось даже следов от шин – она успела исчезнуть во время моего моргания? – я огляделась вокруг.

Ни карты, ни имени населенного пункта, ни направления. Ни даже названия страны.

Очередная переделка.

Глава 4

(Charlotte Cardin – Sad Girl)

Нужно было двигать, искать направление, выбираться, а я продолжала сидеть на первом попавшемся мшистом бревне. Меня двоило: тело находилось на Земле, душа на Уровнях. И только что уехал тот, с кем больше всего хотелось остаться. Дыра в сердце, и оно же, сердце, наполнено вдохновением, которого я не испытывала никогда – мне все по плечу. Вот только между нами не просто километры земных дорог, но и, похоже, тысячи световых лет. Дальше некуда.

Нужно выживать в ставшем непривычным привычном мире, но вместо этого меня до сих пор пробивало током – слабым уже для физической оболочки, но невероятно мощным для сознания. Мурашило с прикосновения в машине, после с касания губ, приплющивало до земли, возносило до небес. Он, безымянный человек (не человек даже), напитал меня собой, как солевой раствор батарейку. Казалось, теперь я могу сутками сидеть здесь, вспоминая, пропитываясь, погружаясь в ощущения, оставленные мне Комиссионером.

И да, он оставил в тряпице кое-что еще – деньги и документы. Вполне земные купюры в размере пятидесяти тысяч рублей и еще мой паспорт. Его я, конечно, могла бы восстановить в паспортном столе после написания заявления об утере, вот только утекало бы сквозь пальцы ценное время. Что до денег, их пришлось бы зарабатывать самой – за них спасибо. Возможно, у моего сопроводителя был приказ оставить мне бонусы, но хотелось верить, что это его личный спонтанный подарок. Знак того, что что-то колыхнулось и в нем.

Я выбрала верить в последнее. Как только я окажусь в его крепких объятьях, как только меня обнимут и укроют руки в серебристой форме, я навсегда окажусь в правильном для себя месте. Долго же я искала это чувство, рассматривая обычных мужчин, а нашла…

Усмехнулась, фыркнула и поняла, что окончательно промерзла. Вздохнула и поняла, что пусть временно, мне придется принять родной мир. А ему меня. Прислушалась – куда же идти? И спустя минуту редких чивканий ранних птах уловила звук, заставивший мои уши навостриться, а сердце радостно стукнуть – звук далекого мотора.

Где-то есть дорога.

Завернув нехитрые пожитки в серебристую ткань и сунув ее в карман, я поднялась с бревна и зашагала туда, где пролегал автомобильный путь.

«Он не мог меня забросить в глушь. Только не он».

(Не мой мужчина).

И оказалась права. Пригородное шоссе тонуло в тумане; от росистой травы вымокли мокасины. Изрытая рытвинами бетонная лента, и никого; утренний час по небу не определить. Где же я, что за страна? Судя по количеству ям – Россия. Город какой?

Прогулка до ближайшего синего дорожного указателя, длившаяся пару минут, заставила меня рассмеяться у щита: «Яблоневая – 1 км, Колзуновка – 26 км».

Конечно. Колзуновка – место, где меня растила бабушка, прежде чем отправилась в мир иной. Не деревня, но, скорее, поселок городского типа, в котором, наверное, до сих пор жила нелюбимая мной родная тетка и сохранилась за мной «общага» – тесная однушка в пятиэтажке по улице Романова.

Щекотно внутри от чувств – мой проводник постарался, высадил меня близко к родным краям, хотя мог не париться, оставить где-нибудь в предгорьях Эльбруса, на Дальнем Востоке или вообще в Монголии. Двадцать шесть километров преодолеть можно без усилий, особенно если поймать попутку. На свою одежду, в которой вечность назад я так и не приехала на встречу, я смотрела с дрожью в сердце – модные джинсы, тонкий топ на бретельках, поверх него накидка-блузка, эдакая летяга без рукавов. Интересно, за кого меня ранним утром можно принять? Хорошо хоть яркого макияжа нет.

Мне повезло, когда минут десять спустя за поворотом заурчал грузовик. Не пришлось даже махать рукой; места глухие, от большого города далекие – попутчиков брали охотно.

– Ты чего это здесь? В такую-то рань? – вопрошал седой водитель, глядя на то, как я с непривычки неуклюже заползаю в высокую кабину. – Обидел, что ль, кто?

Он был нормальным – я выдохнула от облегчения. Слишком старым для того, чтобы приставать, слишком обеспокоенным. Такой не попросит в конце ни денег, ни расплаты «натурой» (боже, где же вы, Уровни? Зачем я здесь?). У него, наверное, своя дочка есть – столько волнения в глазах.

– Не обидел. Просто заблудилась. – Я, наконец, уместилась на соседнем сиденье. – Спасибо, что подобрали.

– Да как не подобрать, – сокрушался дядька, пахнущий старостью и чесноком; сверху икона-триптих «Спаси и сохрани»; у меня мокрые мокасины и вышивка на штанах, купленных в «Ровио», магазине на Сорок третьей в Нордейле. Оглушающий контраст, пропасть размером с космос. – Тебе куда, в Колзуновку?

– Ага.

– Это можно, это довезу. Ты термос под сиденьем бери, там чай еще горячий. Может, слишком крепкий, но хоть согреешься.

От переизбытка эмоций и непривычной смеси чувств разрывало: любовь, отчаяние, разочарование, жгучее желание ускорить события, перескочить кадр из фильма «родина» и злость оттого, что пульта мне никто не дал. Кнопку не нажать.

Натужно ревел мотор, пахло бензином. Почему-то хотелось реветь.

* * *

Уровень 14. Нордейл.

«Как тебя зовут?»

Он мог бы ответить Рид. Рид Герхер-Вард.

И заработал бы четвертое нарушение за одни только прошедшие сутки. Комиссионеры не называют людям имен, а еще не провозят штрафников по граням в бодрствующем состоянии – недопустимо. Он не должен был ее касаться, не должен был оставлять бонус – кусок ткани, нить, через которую теперь слишком хорошо чувствовал Ингу.

Рида штормило. Пятнадцать минут назад он прибыл в Реактор, чтобы поставить отметку в базе «задание выполнено», и две минуты спустя получил вопрос от коллеги: «Что с твоими полярными точками?»

Его полярные точки разъехались по синусоиде, как некачественные брюки на слишком толстой заднице; теперь глава отдела исполнения наказаний просто сидел в седане, не касался руля, не касался ключа зажигания и просто желал. Желал, чтобы она опять оказалась рядом с ним на сиденье, желал вернуть контроль над собой, желал пойти в офис и запросить координаты, узнать, где она сейчас?

Он очень давно столько не желал, и океан, пребывавший много лет в стабильных очертаниях, вдруг вышел из берегов, разбушевался – красиво. И очень, очень опасно. Комиссионер во власти эмоций все равно, что протон, выбившийся из кристаллической решетки химического соединения. Дрейк наблюдал за такими явлениями пристально и уже вызвал бы для расспросов, но Начальника не было поблизости; Рид же с закрытыми глазами наблюдал за внутренним волнением. Еще чуть-чуть, и начнут бить молнии. Не туда, куда угодно. В случайном порядке. Человек в раздраенном состоянии способен набить кому-нибудь морду или напиться (невелика беда). Комиссионер в раздраенном состоянии способен изменить очертания мира, проплавить ткань бытия – недопустимо. Нужно поехать домой, поставить все поля на стабилизацию – через пару часов они восстановятся. В Реактор сейчас нельзя ни под каким предлогом, на него и так слишком пристально, чувствуя «шторм», смотрели коллеги.

«Возьми меня за руку…»

Это все стресс. Люди легко им подвержены, особенно когда события набирают слишком быстрый и нежеланный ход, и уж тем более, когда пересекают «небытие». Коллапс сознания.

«У нее не было коллапса, – думал Рид ровно, – у нее был на удивление ясный ум».

И она несколько секунд вполне сносно терпела его прикосновение – Герхер-Вард выдыхал очень медленно, будто опасался самого себя.

«Не может быть…»

Может. У Дрейка давно земная женщина, носящая на пальце символ бесконечности Дамиен-Ферно. У Сиблинга блондинка, девушка с той же планеты.

И Инга с Земли.

Океан теперь так просто не усмирить, но он должен.

Одна часть Рида совершенно точно знала, что нужно делать – придерживаться в случае отклонений четких инструкций. Вторая делать всего этого не желала. Выплеснувшаяся сила – завораживающее зрелище. И хотелось молний. Не туда, куда угодно.

«Как они это терпят?» Дрейк, Джон…

Для стороннего наблюдателя Комиссионер просто отдыхал в своей машине. Глаза закрыты; по стеклу дождевые капли. Но Герхер-Варда колыхало – прорвались чувства, и они ему нравились. Их необузданность, удивительная пробивная сила.

«Если это ошибка…»

«Возможно, все это ошибка».

Он не мог заставить себя двинуться с места, взяться за руль, завести мотор. Он не мог с собой справиться, перестать хотеть.

И да, он прокатил бы ее еще раз. И еще раз взял бы за руку, что, скорее всего, привело бы к очень нежеланным для ее физического тела последствиям. В его профиле добавились бы отметки о нарушениях – целый ряд нарушений…

Воздух вокруг серебристого седана начал рябить; еще минута, и сюда пожалуют с проверкой.

Слишком много чувств.

Пришлось завести мотор, пришлось пристегнуться и нажать на педаль газа. Рид ехал по мокрой дороге и думал о том, что будь это обычная человеческая машина, у нее давно проплавился бы руль.

Глава 5

(UNSECRET, Anna Renee – Straight For The Kill)

Браун.

Ему сказали – просто жди. Живи тихо, не высовывайся, отдыхай, «мы сообщим, когда что-то изменится». Если изменится. Снабдили деньгами на первое время, пообещали вскоре «подкинуть еще» (Браун так и не понял, кто такая эта девчонка, пришедшая в бункер с Эльконто), но она сказала, что документы ему пока не потребуются.

Так и вышло.

Мелкорослая суетная женщина с выжженными и завитыми в кудряшки волосами семенила по дому, говорила быстро и, кажется, все время куда-то спешила.

– …хозяева уехали на три месяца в Таиланд. Петька-то сильно поднялся, бизнес свой развил, дом какой построил. И не хотел он, чтобы деревенские за хоромами смотрели, не доверял – знал, разворуют. Просил найти человека со стороны. А кто за такую зарплату пойдет? Вот вы первый.

Браун не понял ни про Таиланд, ни про Петьку, но дом оценил, как «сойдет»: здесь было три комнаты, кровать, диван, плита, печь, холодильник – предметы первой необходимости, которых он был лишен на Войне. Условия для выживания куда лучшие, чем на Уровне Эльконто.

– Вы ведь не пьете?

– Нет.

– И не курите?

– Нет.

– Ясно.

Посмотрели на него странно, как на спортсмена-маньяка, с одобрением и подозрением. Наверное, алкоголем и сигаретами в этом мире «расслаблялись» все. Браун не мог вспомнить, как переместился сюда – перед тем, как это случилось, с ним поработал сенсор, усыпил, кажется. Теперь бывший уже солдат в непонятном мире, в неясном месте, где-то в самой заднице на задворках, судя по виду из окна. Может, здесь это нормальный пейзаж – покосившийся забор, крыша чужой хибары вдали, вьющийся из трубы дымок. Хоть не мороз, и на том спасибо.

– Раз вы теперь сторож, ваша задача смотреть за имуществом. Если что-то сломается, прохудится или потечет, сообщайте мне, я живу через два дома. – Тетка с кудряшками, одетая в легкий синий плащ, представилась Клавдией. – Счетчики – вот здесь, но Петр оплачивает коммуналку сам. Воду можно перекрыть тут, если вдруг понадобится. На дворе есть колодец, не уверена, правда, насколько чистая в нем вода. А вас как зовут?

Ему заранее выдали список местных имен, сказали, чтобы выбрал любое. И Браун выбрал «Ник» – оно казалось ему ближе остальных, хотя мало кто знал, что Браун – это на самом деле фамилия, по которой его много лет называли все, включая Дэйна. А по документам он Даг. Если быть точным – Даггер Керт Браун.

– Николай, что ли?

– Николай.

– Ага, хорошо, – Клавдия моргнула густо накрашенными ресницами. Макияж она накладывала для того, чтобы сделать некрасивое лицо красивым, но нужного эффекта не достигала. Скорее, наоборот. – Давайте покажу вам ванную и туалет…

Он не смотрел на счетчики и унитаз, вместо этого по старой привычке быстро сканировал важные детали: тип защелок на окнах, скрытые от глаз входы в помещение, вентиляцию – искал слабые зоны дома. Слишком давно привык атаковать и защищаться, и то и другое умел в совершенстве, а стрелял так, что мог сравниться с Эльконто в меткости. И только Дэйн об этом знал. Прежде чем

уйти с Войны, Браун забрал на тот свет много повстанцев, и забрал бы еще, если бы его не вывели из игры. О чем теперь не жалел, устал. До сих пор чувствовал в горле запах гари, слышал рядом с головой свист пуль…

– А вы точно сторож?

Замеревшую и разглядывающую его Клавдию что-то смущало. Может, высокая широкоплечая фигура, сплошь состоящая из мышц, а может, прямой и очень тяжелый взгляд. Взгляд профессионального солдата, если быть точным, наемника.

– Да, сторож.

– Ага… – Ей пришлось принять этот простой и нехитрый ответ. – Платить вам будут немного, конечно, еду придется покупать самому. Петя перечисляет мне на карточку, я буду выдавать вам по десять тысяч в месяц, так велено.

Браун не знал, много это или мало – освоится позже.

«О деньгах не беспокойся, передадим». Он время от времени задавался вопросом о том, кем же все-таки была та девушка со странным кольцом на пальце. Символ бесконечности – он успел его рассмотреть – вращался прямо над ободом, над пальцем. Очень непростая, видимо, особа, хотя общалась она без пафоса, просто и по существу.

– Вот вроде бы и все, – семенящая перед ним женщина в плаще напоминала раздавшуюся уточку, – спать можете в любой комнате, печь топите, если холодно, хотя в доме центральное отопление.

«Вон оно как…» – в глазах у самой тоска, наверное, «центральное отопление» казалось Клавдии пределом мечтаний, равно как и санузел не на улице. Браун восторгов не разделял: дом как дом. Довольно примитивный, разве что чистый. Главное, его сюда пустили.

– Ну, если кто влезет, защититься сможете. Оружие у вас имеется?

– Оружия нет.

Браслет, застегнутый на его запястье Дэйном, переводил чужую речь исправно.

– Хорошо, что нет.

Тетке облегчение, ему самому – тягость. Браун сам был оружием, но предпочитал иметь за поясом ствол сорок пятого или хотя бы добротный нож. Обзаведется позже.

– Значит, вроде как и все. А… не сказала про магазин. Тот, который поменьше, через две улицы от вас. Любого спросите, как пройти, укажут. Есть еще один, побольше, но он на другом конце села… У вас ведь нет здесь родственников?

«Родственники» – это слово браслет подал в мозг Дага, расшифровав, как «кровные связи с передающими по рождению генами».

– Родственников нет.

Тетке не нравилось, что он не болтал – она не могла его оценить.

И вертелась на уме ее фраза «на другом конце села…» – ему до зубного скрежета хотелось обратно. На Уровни, домой, к Алине. Брауна никто не мог вывести игры, кроме Комиссии, и надо ж было так статься, что тот мужик…

– Что ж, ладно, – прервала невеселые мысли Клавдия, – оставляю вас. Про продукты сказала, про электричество сказала… Ах да, ключи…

Она протянула ему два на колечке.

– Есть еще запасные на полке в прихожей, если вдруг понадобятся. А мне пора. Дела, знаете ли.

И его, утомившегося следовать за синим плащом и слушать бесконечный словопоток, оставили, наконец, одного.

В этом доме было тихо. Слишком, неестественно. Если бы не редкое мычанье чьей-то коровы вдалеке, Дагу казалось бы, что он пребывает в вакууме. Ни тиканья часов, ни голосов, ни грохота взрывов, ни автоматных плевков-очередей. Оглушающе тихо после Войны.

Он выпил воды из-под крана и лег, не убирая покрывала, на кровать, вытянулся, закрыл глаза. Все. Чужой мир. Ждать. В те далекие времена, когда сражения были полноценной частью его жизни, Браун умел подолгу выжидать. Сидеть в окопах, проявлять терпение, бездействовать, наблюдать в прицел. Но отчего-то бездействовать именно здесь, в этом доме и «селе», было сложно.

Наверное, потому что все чужое. Он не понял бы ни слова, если бы не хитрый браслет, непонятно как посылающий импульсы с переводом сразу в мозг (где его раздобыл Эльконто, кто и для каких нужд вообще создавал? Наверное, для таких вот случаев, как теперь).

Хуже всего не тот факт, что он тут, а то, что Алина осталась в Нордейле без него. Где она сейчас, что делает?

Ему позволили отправить ей одно-единственное сообщение. И он написал: «Я уехал. Не знаю, когда вернусь, но я вернусь». Хотел добавить «жди», и не стал, счел некомфортным давить, ведь он ей еще не муж. Не успел купить и подарить кольцо, хотя уже думал об этом. Мысли об оставшейся далеко Алине заставляли виски Брауна ныть, а челюсти сжиматься.

Почему все повернулось таким дурацким образом?

Они выглядели как люди, когда пришли в дом его нанимателя. На Наира Хусса Даг работал к тому времени уже шесть месяцев и даже не подозревал о том, чем тот на самом деле занимается. Кое-что транспортирует, кое-что перевозит – так завуалировано отвечал сам Наир. Транспортировал он, как выяснилось, запрещенный к производству препарат, и Браун бы почуял неладное, если бы хоть раз слышал, как Хусс общается по телефону или говорит с кем-то, но Наир был предельно осторожен. Все переговоры за него вели другие.

Нанимателя взяли бы тихо и мирно, если бы не Браун, вмешавшийся тогда, когда незваные гости, вошедшие в дом, направились прямиком к кабинету.

Он ударил одного из них по затылку. Думал, что ударил. Уже донес кулак по траектории, уже знал, что отключит (применив такую-то силу), но гость вдруг развернулся. Молниеносно, за долю секунды. Так не сумел бы ни один человек; и мгновенно сменилась на серебристую форму одежда – Браун осознал, что в заднице, слишком поздно. Уже не смог бы остановить удар, да и не требовалось – его кулак наткнулся на невидимое поле, которое шибануло разрядом так, что Дага отнесло к стене невидимым взрывом. Сколько дней прошло, а до сих пор болела спина. Он даже не коснулся Комиссионера, даже не врезал ему…

И был сослан на Войну.

Если бы он мог – сейчас, теперь, – то свернул бы этому уроду шею. За несправедливость, за то, что тот сразу не явился к Хуссу в форме. Разве стал бы человек в здравом уме нападать на представителя Комиссии? Конечно нет!

Даг мечтал ему врезать.

* * *

(Saint Chaos – Better Days)

Он хотел заснуть, понимал, что после напряжения Войны нужно отдохнуть, впервые нормально выспаться, но отключиться не мог.

В голове крутилась Алина.

Они познакомились в магазине «Серафим» на Престон-драйв. Уникальном месте, где торговали символикой: печатками, майками, поясами, кулонами, украшенными истинно мужским декором. Все вещи были дорогими, качественными, что называлось «брендовыми», и Браун, уже долгое время желающий купить себе кольцо, наконец, выкроил время на поход туда в выходной.

Вошел, склонился над витриной, изучая товар, когда позади звякнул дверной колокольчик, и рядом с ним, превратив цветочным ароматом обычный воздух в

свежий, остановилась невысокая брюнетка. Назвала продавца Грейсоном, спросила, есть ли время посмотреть ее новые дизайны…

Оказывается, она разрабатывала «стили» украшений, создавала ту самую символику, с украшением которой Браун желал приобрести платиновую печатку.

Когда их взгляды встретились, она смутилась; Браун был выше ее на полторы головы и шире раза в два. Однако глаз не отвела, залюбовалась им – он непонятным ему самому образом почувствовал это. А Дагом редко любовались. Опасались часто, избегали еще чаще, не желали иметь дело с тем, чей взгляд столь серьезен и тяжел. А она смотрела, приоткрыв рот. Смутилась, правда, своей бестактности быстро, потупилась, а он продолжал ее рассматривать. Черные волосы волнами, длинные, красивые. Глаза карие, удивительные, очень аккуратный нос, розовые губы, четкие скулы. И неважно, что «в пуп дышит» – его потянуло к ней сразу. И спустя пару корявых фраз о том, что он как раз выбирает кольцо с ее дизайном, Браун пригласил незнакомку на кофе.

Он держался три свидания, три честных свидания, прежде чем уложил ее в постель. Уже тогда знал, что это не на уик-энд, что их отношения продлятся столько, сколько отмерит «бог счастья», и что он будет изо всех сил этому богу помогать.

Ее речь никогда его не напрягала – легкая, похожая на щебетание волшебной птички, – наоборот, расслабляла. И неважно, какая тема. Он был тяжелым, она легкой, мягкой, податливой. И очень быстро стала его персональным пушистым кусочком этого непростого мира, теплым котенком, которого он любил гладить. Не боялась ни его молчаливости, ни внушительного роста, ни слишком серьезных глаз.

Они сошлись всего месяц назад.

И уже расстались.

Неясно, по чьей вине – опять захотелось врезать Комиссионеру. Браун и раньше их не жаловал, теперь же откровенно возненавидел.

А она… Она, наверное, опять рисует.

Алина рисовала, чтобы заработать на жизнь. Иногда портреты, иногда бралась писать пейзажи, но чаще всего занималась именно странными витыми дизайнами – они привлекали её более всего. Гуляла, когда уставала, любила кутаться в кресле в плед.

Ему не хватало ее рук, ее глаз, ее тепла.

Даг понял, что уснуть не сможет, начал терзать голод. Придется отыскать этот маленький ближний магазин, чтобы что-то приготовить, заодно по возвращении проверить хозяйские кладовые на предмет запасов провизии. Может, отыщутся крупы, лапша, сухари – все бы пригодилось.

Он подошел к раковине, плеснул в лицо водой, а когда поднял голову, понял, почему так странно смотрела на него Клавдия. Одна скула разбита и все еще бордовая (он о ней забыл) – задел на Войне, дотянувшись прикладом, слишком прыткий повстанец.

Глава 6

Уровень 14. Нордейл.

Бернарда.

Смешарики забавляли Мишу – переместились в сад, где начала зеленеть трава, и теперь по очереди прикидывались мышкой. Понятное дело, если на Фурий мудрый Михайло не реагировал, то на мышь, которая вдруг оказывалась то здесь, то там, смотрел удивленно. Бросался в бой, почти нагонял, но беглянка неожиданно исчезала, появлялась под другим кустом. Фурии восторженно вопили; Миша недовольно, но увлеченно махал хвостом.

Я пребывала в задумчивости и потому почти не пробовала рис со специями, который Клэр впервые сварила на кокосовом молоке, банку которого я перебазировала для нее из родного мира.

– Невкусно?

Признаться, я даже не заметила.

Если бы на месте Клэр была другая повариха, то давно бы обиделась, глядя на мой отсутствующий вид, но подруга знала меня слишком хорошо, чтобы обижаться: если меня нет, значит, мыслительный процесс разогнан на полную катушку.

– Беспокоишься?

– Прости. – Рис на самом деле вышел очень ароматным, насыщенным и необычным по вкусу. Мне понравился. А уж кольца кальмара в кляре с майонезом… – Просто задумалась. Беспокоюсь немного, да. Понимаешь, я пересмотрела кучу объявлений на «Авито», но везде требовался сторож на склады. На фото какие-то громоздкие помещения, а для человека конура, как для собаки. И только в этом искали того, кто может присмотреть за домом. Нормальным, кстати, на вид домом.

– Что такое «Авито»?

– Местная доска объявлений в интернете.

– Так что тебя гложет?

– То, что пришлось закинуть его в совершенно незнакомый для меня район.

«В какую-то тьмутаракань».

В отличие от меня Клэр уплетала рис с аппетитом. Кажется, кокосовое молоко ей нравилось.

– Если твоя страна большая, ты не можешь знать в ней все регионы.

– Это да…

Михайло почти поймал мышку, но та снова вывернулась из когтей и исчезла; кот мяукнул.

– К тому же, если бы ты забросила туда немощную девчонку, я бы еще поняла, но Браун, как ты рассказала, гора с мышцами, солдат. Чего волноваться? Тем более, вы дали ему браслет. Нажмет кнопку вызова, если что.

Глядя на то, как Клэр легко машет рукой – ерунда, мол, – я решила перенять ее легкость. Браун и в самом деле отлично способен за себя постоять, и все места родного мира я действительно знать не могу.

– Только не знаю, как пока быть с его возвращением на Уровни. Что делать с информацией в базе Комиссии?

– Перестань, будет день, будут мысли. Ты та еще выдумщица.

И мне улыбнулись так заразительно, что мои щеки разъехались в стороны.

– Ты слишком хорошо меня знаешь.

– Так что насчет риса? Как тебе?

Я вдруг подумала, что если Клэр понравится эта экзотическая приправа, то скоро меня выпнут на рынок Таиланда за другими специями. Кто со мной пойдет? Правильно. Дэйн!

* * *

(UNSECRET feat. Erin McCarley – Feels Like Falling)

Земля. Колзуновка.

Инга.

– Ключи дай.

– Явилась не запылилась!

Фраза эта была сказана с руками, упертыми в пухлые бока – тетка мне не обрадовалась. Пасмурный день, тихий и безветренный; на огороде позади дома взошла картошка. Здесь, в деревне, всегда круговорот из бесконечных дел: уборка, готовка, прополка, посадка урожая, сбор урожая, неубиваемые сорняки. Еще в те времена, когда я была полноценным жителем Колзуновки (или считала себя таковым), мне казалось, что подобное существование тщетно. В нем нет ни цели, ни направления, ни свободы, ни интереса, ни развития. Впрочем, я с рождения была бунтаркой.

– Ну что, много заработала? – ей не нужны были мои ответы, но необходимо было излить едкость и разочарование. – На заработки она уехала… Хоть бы подарок тетке привезла.

Тетя Нина возлагала на меня большие надежды в те времена, когда я еще училась в медицинском. Три курса пахоты и надежды спасти человека обрушились, когда однажды ранним утром больная бабушка, лежа на соседней кровати, просто перестала дышать. Я напилась тогда, в довесок накурилась, не смогла даже явиться на экзамен, пропустила его, получила «неуд». И выданный мне шанс пересдать материал пустила на ветер, потому что вдруг растеряла веру в чудо, а вместе с ней и желание провести остаток жизни среди больных людей. Не стала в итоге врачом, не заняла тесный и тусклый кабинет терапевта в местной поликлинике, не обложилась со всех сторон карточками.

И тетка меня, кажется, прокляла, вычеркнула из списка желанных родственников. Она молчала, когда я уезжала якобы в Москву, не пошла провожать на автобус, не напекла в дорогу пирожков.

Сейчас вынесла ключи с таким видом, будто хранить их было в тягость, будто от них воняло.

– Я, между прочим, прибиралась там каждую неделю, хоть бы спасибо сказала…

– Спасибо.

Я не была ей рада тоже. Она не понимала, что принуждать человека – все равно, что лишать его воздуха. Врачом я не стала и денег тоже не заработала, уехала вместо Москвы (на билет в которую мне даже не хватило бы средств) в Тагорск, сняла квартиру, попыталась найти работу. Но жизнь умело и расчетливо била меня отказами – «нет», «нет», «нет». Куда может устроиться медик-недоучка? В клинику выносить горшки? А я больше не могла вдыхать запах лекарств, слишком их много стояло на прикроватной тумбочке. В итоге одно разочарование за другим, сворачивающаяся вокруг шеи безнадега. Пока не явился странный человек, предложивший мне перешагнуть из одного сценария на другой – удивительно, что я не помнила об этом на Уровнях, но отчетливо вспомнила здесь. И погрузилась бы в мысли об этом, если бы меня не отправили восвояси:

– Давай. Бывай.

«Вали. В гости не заходи».

У тетки было старое платье в фиолетовый цветок, которое я помнила с детства.

Комната казалась пыльной, обветшалой. Не знаю, убирался ли в ней кто-то на самом деле, но пыль здесь царствовала везде – на полу, кроватях, подоконнике. До сих пор висела у изголовья подвешенная на вбитый гвоздь икона. Я старалась не смотреть на нее тогда, не смотрела и теперь. Сниму. Святые, неспособные помочь, вызывали у меня отвращение.

Здесь я когда-то зубрила материал – носила книги пачками домой, – сюда приносила еду из магазина. Сквозь это старое окно со сколом выглядывала на улицу, проверяла, не идет ли дождь. Бабушка сильно кашляла.

А теперь здесь было тихо. Пахло запустением, старыми досками пола и лежалыми покрывалами.

Я опустилась на свою кровать, чувствуя, как обрушивается на меня этот мир, как поглощает в себя, пытается скрутить, лишить способности трепыхаться.

Вдох. Выдох. Вдох… Вокруг словно бушующее море, а под ногами ни плота, ни доски, ни островка суши – не за что зацепиться. Шкаф со старой одеждой, надевать которую меня не заставили бы и под дулом пистолета. Лучше снять ношенную с бомжа, чем влезать в старую шкуру, пусть даже когда-то она идеально на мне сидела.

«Инга, стоп!»

Вместо того чтобы рассматривать убранство, навевающее болезненные воспоминания, я достала из кармана кусок серебристой ткани, сжала его в руках.

И почти сразу накрыло спокойствие, то самое, явившееся в машине. Руки на руле, рукав серебристой формы с рукавом, умение решать все до единой проблемы – фон моего безымянного Комиссионера. С ним сделалось на удивление ясно в голове; море успокоилось, стало мирным, на горизонте показались лучи невидимого солнца.

Тряпка странная. Тонкая, но плотная, прозрачная с одной стороны, непрозрачная с другой. И без единой складочки, будто не заворачивали в нее недавно купюры и документы. Она пахла Нордейлом, была его частью и неожиданно стала для меня тем самым плотом, который я отчаянно искала.

«Успокойся, – сказала бы она мне голосом представителя Комиссии. – Если ты не знаешь, как что-то решить, это не является нерешаемым. Если есть цель, направление проявится. Займись пока тем, чем можешь заняться».

И то верно. Сидеть здесь и тонуть в печали – последнее дело. Все образуется, пусть пока неясно как: придет мысль – одна, вторая, третья. И какая-то из них сложится в план.

Кусок серебристой ткани я бережно засунула в карман, теперь она мой антидепрессант и таблетка успокоительного. Я все еще Инга из Мира Уровней, и я найду путь обратно. А пока лучше помою полы и поставлю чайник.

Он явился в тот момент моей жизни, когда я уже валилась спиной в бездну, так и не отрастив крылья. Незнакомый город; заканчивались деньги, шли дожди.

«Ты вернешься обратно в тот же день и час, когда ушла. Здесь ничего не изменится, но там тебя ждут совершенно другие перспективы…»

Комиссионер. Теперь я знала о том, что это был он, один из них. «Приглашатель». Ему верилось настолько, что вопросов не возникало, я просто знала, что да, есть другой мир, я могу туда попасть, и даже накрыла легкость, с которой я тогда приняла решение. Дальше все как в тумане: иногда размеренная, иногда бурная жизнь на Уровнях – вечеринки, серые рабочие будни, новые знакомые, письма о моей готовности следовать дальше, возможность перейти на новый Уровень. Там было интересно, увлекательно. Наверное, я только сейчас поняла, как сильно полюбила солнечный Нордейл, его зеленые парки, шумные и ровные магистрали, теплых людей. Дорого бы сейчас отдала за то, чтобы «приглашатель» встретился на моем пути еще раз, однако точно знала, что на этот раз делать все придется самой.

Пол отмылся от пыли со второй попытки; в распахнутую форточку влетал пропитанный дождем ветер.

Я вытерла лоб, остановилась посреди довольно чистой, но все такой же мрачной комнаты.

«Я здесь ненадолго».

Теперь чайник.

Электрического у нас с бабушкой никогда не было, был металлический с отколотой местами эмалью – его мы грели на маленькой переносной плите.

Вода из крана лилась исправно, а вот плита приказала долго жить. Я щелкнула выключателем, убедилась, что свет в квартире присутствует, после попробовала подсоединить шнур от конфорки еще раз. Тщетно. Неприятно холодная поверхность не становилась даже теплой, плита вышла из строя.

Можно, конечно, жить сухими пайками – печеньем, колбасой, бутербродами. Но не дело не иметь возможности ни сварить лапшу, ни выпить чаю. Не тюрьма же, в конце концов, и деньги есть.

Пойду к Митичу, попрошу отвезти в город. Магазин бытовой техники еще открыт.

Митич кряхтел, махал руками и качал головой.

– Инга, не собирался я сегодня. Огород, жена ворчит, да и выпил я чуток…

Здесь часто водили подшофе. И выбора никакого… У Митича старый грузовик; а автобус, если прошагать три километра по дороге, раз в день. Междугородние мимо нас не проходили, а без плиты как без рук.

– Приготовить не на чем.

– У нас приготовь, Машка пустит…

– Не дело это.

Он тоже это понимал.

– Дам на пузырь после. – Этот аргумент почти подействовал, взгляд обросшего водителя прояснился. Выражение бородатого лица сделалось задумчиво-заинтересованным. – На два пузыря.

Пауза в несколько секунд; поднявшийся ветер качал ветки яблони, деловито ходили по заднему двору куры.

– Машка! – крик для той, кто в доме. – Я в город съезжу!

– Что? – Из дверей показалась недовольная Мария Михайловна с полотенцем в руках. Брови на переносице, взгляд недобрый.

– Пошли, – шепнул мне Митич. – Пока она не раскудахталась…

Глава 7

(Andrew Weiss – Overcoming)

Браун.

– Мне нужен кран.

Продавщица мигнула; в очереди за ним переглянулись.

– Какой еще кран?

На тетке за прилавком был неестественно синий высокий колпак – Даг так и не понял, как он крепился к голове. На полках у стены бутылки с прозрачной жидкостью, много бутылок. Когда Браун наводил на них взгляд, браслет расшифровывал название: водка. В холодильнике пиво, за теткой сушки, печенье, упаковки с кофе и чаем, крупы, макароны – все подряд. М-да, зря он искал «большой» магазин, ассортимент в нем был ничуть не лучше, чем в предыдущем, разве что чуть шире по названиям.

И нет, он не стал бы его искать, если бы не капающий на кухне кран. Попытка пошевелить его обернулась течью. Даг отыскал хозяйские инструменты, попытался починить, но износились резиновые прокладки, проржавело нутро. Конечно, можно было об этом сообщить Клавдии, но в этом случае починка отложилась бы на неопределенный срок, а Даг не хотел слышать шум текущей воды днем и ночью, он это не любил.

– Смеситель, – пояснил терпеливо.

– Уважаемый, – отмерла продавщица, – это продуктовый магазин. Здесь смесителей отродясь не бывало.

Он это уже понял.

Две незрелые девчонки у стены шептались, их жадные взгляды скользили по его бицепсам, широким плечам, спине, затылку – Браун чувствовал в них смесь страха и восхищения. Тут все на него смотрели странно. На улице оборачивались и бабки, и старики, и молодежь.

– Милок, тебе бы в город, – мягко пояснила бабулька, стоящая в очереди за Дагом. – Туда, где большой магазин.

– Что за город?

Его вопрос, вероятно, прозвучал по-идиотски, в очереди опять переглянулись.

– Как что? – удивилась старушка. – В Тагорск.

– Туда ходят автобусы?

«Приезжий, сразу видно. Издалека».

– Нет у нас автобусов, – вмешалась женщина с недовольным лицом. – Мужчина, вы покупаете что-то или нет?

«Не занимайте место у прилавка». Посыл он понял. Выручила сердобольная бабушка:

– Костик у нас извозом занимается. Вместо такси. У него «Волга». Он, конечно, не бесплатно, но попросить можно. В двадцать седьмом доме живет.

– Где найти двадцать седьмой дом?

Ему объяснили; недовольная очередь двинулась, как тело ожившей змеи, чья голова вышла, наконец, из раздумий.

– Довезешь?

– Довезу, чего не довезти-то…

Парень доверия не внушал: тощий, щеки впалые, замусоленная кепка большая. Но у него была машина.

– Я Костик. А ты это… новый сторож, что ли?

Тот, кто назвал свое имя, протянул руку – давай, мол, корешиться. Браун ее не пожал.

«Ну как хочешь…» – в глазах Костяна мелькнула обида.

– Четыреста рублей, – поджал он губы. Видимо, попросил в два раза больше, чем взял бы со своих.

– Поехали, – отозвался Даг коротко.

– Деньги-то есть?

Здесь как-то особенно сложно переживали личные обиды и видели их там, где не следовало.

– Есть, – обронил Браун. – Заводи машину.

* * *

Инга.

Митич остановил у магазина рядом с «Волгой», откуда вышел темноволосый мужчина – я проводила его взглядом. Слишком большой для здешних мест, слишком накачанный. Такой не мог не привлекать внимания, выбивался из толпы. И ни тебе байка, который ему бы подошел, ни татуировок – об этом я думала на автомате, выбираясь из кабины.

– Подождешь?

– Конечно.

Митич уже достал газетку, которой собрался прикрыть лицо. Как только я уйду, он закемарит.

Накачанный мужик толкнул дверь «Водопроводчика», я вошла в ту, которая левее, собиралась попасть в отдел бытовой техники и электроники.

Плиту я выбрала простую и примитивную, на одну конфорку, за нее просили шесть сотен рублей. Пойдет. С двумя было бы удобнее, можно было бы готовить соусы к тем же макаронам, но кулинарными изысками я собиралась заниматься уже на Уровнях, не здесь. Чайник и того дешевле – три сотни. Неважно, что маленький объем, гостей я поить не собиралась.

– Желаете посмотреть еще что-нибудь? – ко мне аккуратно подкатывал ассистент, молодой парень. – Фены, плойки, тостеры, может быть?

Возможно, он почувствовал, что я при деньгах. Но, скорее всего, запал на мое лицо – на него многие западали. Чем меня не обделили родители, так это внешностью. Наградили темно-русыми волосами, оттенком ближе к каштановым, гибкой фигурой с крепким животом, бедрами и узкой талией, а также правильными чертами лица, которым не требовалась косметика. Очень удобно.

– Нет, спасибо, ничего не нужно.

Ассистент разочарованно отчалил, продолжая наблюдать. Наверное, рассматривал мою обтянутую джинсами задницу. Что ж, пусть, за это денег не берут. Я все же прошлась по рядам с ноутбуками, телевизорами, мышками, колонками и кухонными комбайнами. Вспомнила вдруг, что хотела поменять фильтр – неприятно было бы сразу убить новый чайник жесткой водой.

Расплатилась за покупки, вышла из «СитиТехника», побежала вниз по лестнице, после принялась взбираться по ступеням, ведущим к «Водопроводчику». Еще подумала о том, как нерационально использовано пространство – нет, чтобы

сразу из одного магазина в другой через дверь. Лестницы, лестницы… Спустя пару секунд шагнула в царство унитазов, ванн и кучи блестящих аксессуаров.

На фильтрах всегда настаивала бабушка, боялась кальцинированной воды. Когда мы устанавливали новый, она помечала этот день в календаре, а ровно через три месяца просила поменять. По этому календарю можно было отмерять смену сезонов.

Отдел товаров я прошла почти до конца, прежде чем вернулась к кассиру в центре у стены, поняла, что искомое находится прямо за ним. Большой мужик, вышедший из «Волги», как раз расплачивался за покупки; остановившись рядом, я не смогла еще раз не поразиться его росту, внушительности. Огромный. Дело, впрочем, не столько в росте, сколько в непривычной ауре того, кто давно и долго тренировал свое тело и не в спортзале, как многие, а где-то еще. Я не удержалась, взглянула на незнакомца, по мне коротко мазнули взглядом в ответ. И этого хватило, чтобы я подумала: «Черт, на Уровнях я не стала бы переходить такому дорогу…» Слишком равнодушный взгляд: взгляд незаинтересованного, но очень внимательного профессионала без слабины в характере. Еще эта рубаха-поло. Руки с бугрящимися мышцами говорили больше слов. К черту его, короче…

Пока незнакомец платил за смеситель, я рассматривала висящие за продавцом пакетики с прокладками, резинками, крепежами, трубками. А после опустила глаза вниз, случайно взглянула на чужой бумажник, а после… кольцо на пальце.

И из меня вышибли воздух.

Кольцо. Было. С Уровней.

Я это точно знала, и, наверное, в этот момент побледнела.

«Слишком знакомое…»

И да, я точно помнила, откуда оно – из «Серафима» в Нордейле. Не помнила бы, если бы тогда, когда устроилась делопроизводителем в мелкую контору, мы не решили бы скинуться Рику на подарок. А Рик Бакман, наш менеджер, обожал

вещи из «Серафима». Мечтал о кулоне, и мы, три подружки, желали сделать ему приятное. Явились тогда в магазин и разом поняли, что нашей копилки ни на что не хватит. Все стоило дорого. Особенно кольца, на которые я тогда ненароком засмотрелась – мужские печатки. Ту платиновую, которая сейчас блестела на пальце моего соседа, я разглядывала особенно долго, поражалась ее благородному оттенку. Её цена была, дай бог памяти, около четырех тысяч долларов.

Рик, конечно же, подвеску не получил, мы удалились в тот день ни с чем. Но дизайн кольца я помнила до сих пор.

Теперь смотрела на него, на это самое кольцо, как немая рыба, как дурочка, получившая под дых. Забыла про фильтр, про все остальное, понимала, нужно действовать, ловить момент. Но не понимала – как? Мне только что передали привет Уровни, помахали рукой, вопросительно взглянули – мол, что будешь предпринимать. А у меня подкашивались ноги и волновалось сердце.

«Это кольцо. Здесь, на Земле. Нереально!»

Могло ли это быть простым совпадением? Возможно, кто-то доставил его сюда, перенес, продал…

И нет, я уже не стояла рядом с кассой, я неслась по лестнице вниз, на выход. Вылетела за дверь, отдышалась, пошла к водителю «Волги», наспех поправила волосы. Приблизилась, спросила, убавив громкость:

– Слышь, откуда твой пассажир?

Парня в кепке я знала, но не лично. Он давно занимался извозом.

Мне отвечать не спешили, сначала рассмотрели хорошенько, потом поджали губы.

– А чо? Я не хуже. Мож покатаемся?

С ним не кататься надо было, а вести сначала к остеопату для того, чтобы выпрямить осанку. Собственно, после этого легче бы не стало. Но грубить

нельзя, нужно действовать быстро и осторожно.

– Я не говорила, что ты хуже. Просто он напомнил мне кой-кого…

– А-а-а, – парень в кепке с впалыми щеками чуть расслабился, перестал щелкать семечки, – да он с Яблоневой. А я Костик, кстати… Чего-то не видел тебя раньше? Ты отсюда?

Я уже не слышала чужой речи. Яблоневая – это место, возле которого меня высадил Комиссионер. Между ней и Колзуновкой двадцать пять километров. Сейчас здоровяк вернется, а я так и не придумала, что делать! Мне нужно было с ним поговорить, спросить его о кольце, но где, как, когда?

Ситуация взяла за горло, когда накачанный мужик с равнодушными глазами вышел из дверей, направился к машине. Едва он поравнялся со мной (сейчас уедет, сейчас уедет!), я выпалила:

– Мужчина, скажите, в каком магазине вы покупали свое кольцо?

И рожу сделала глупую – мол, мне понравилось. Может, своему парню хочу такое купить.

И, вот зараза, мне не ответили. Вообще ни слова. Нет, на меня взглянули внимательно и недобро, меня прекрасно слышали, даже притормозили на секунду, чтобы дать оценку объекту беспокойства, а после просто двинулись дальше.

Я же смотрела, как человек с печаткой садится в «Волгу», как склабится Костян, оттаявший оттого, что запали не на качка, а на его кольцо. Хлопок пассажирской двери, облако газа; «Волга» тронулась с места.

От меня удалялся тот, от кого – я только сейчас это поняла – пахло примерно, как от тряпки Комиссионера. От незнакомца с печаткой пахло Уровнями.

– Ну что? – высунулся из кабины Митич, а у меня из рук вываливались коробки. – Едем?

– Я еще… фильтр не купила, – промямлила я, чувствуя пересохшее горло.

– Так давай сюда покупки и шуруй…

«Волга» скрылась за поворотом.

«Из Яблоневой он…»

Я передала в руки Митича плиту и чайник.

«Я его найду. Чего бы мне это ни стоило…»

Глава 8

(JPOLND – The end)

Уровень 14. Нордейл.

Рид.

Он почти пришел в норму. Почти.

Те места, где его фон остался нестабильным, Рид мастерски скрыл, замуровал под слоем искусственного спокойствия. Вот только вместо того, чтобы работать – распределять кто, как и когда будет заниматься контролем над проведением исполнительных действий, – сейчас творил то, чего не стоило. Собирал отдельные энергетические лучики, тонкие, как нити, с различных участков Реактора, чтобы сплести единый пучок. Пучок, который он ретранслирует на то, чтобы получить доступ к тряпице, оставленной Инге. И ткань Комиссии – не просто ткань: это и локатор, и радар, и анализатор. Если Герхер-Вард все сделает грубо, например, выделит полный ресурс на рабочем месте, пробьет с помощью него канал до Земли, его моментально вызовут в кабинет не Дрейка, но Сиблинга. Дальше спросят жестко, и потому Рид работал аккуратно и

незаметно, как синтетический паук. Брал по чуть-чуть энергии из каждого слоя, каждого отдела, маскировал конечный результат – канал на Землю постепенно пробивался.

Коллега по креслу, Брент Хоксон, работал исправно, неладного не замечал.

Рид происходящее объяснял себе просто: это обычная проверка с единственной целью – убедиться, что с девчонкой все в порядке, что она жива и здорова, что выкинула ту дурь из головы. Дурь о нем, о них. Он прочитает это по ее эмоциям и ауре, тогда уже окончательно и насовсем стабилизируется. Все пойдет своим чередом.

«Скучно, как раньше».

Потратил почти час времени, чтобы мастерски завершить получение доступа к куску серебристой ткани; намотал такое количество отводящих элементов для коллег, что любой человеческий хакер-гений удавился бы от зависти. На экране список осужденных на сегодня: «Келлахан, Прус, Галлейн, Джеймс…» Последняя фамилия значилась напротив женского имени, и Рид даже потратил пару секунд, чтобы взглянуть на фото – сразу понял, особа ничем не примечательная и не интересная.

«Не мисс Крет».

Медленно выдохнул. Незаметно переключился на похожий на радиочастоту доступ к чужому миру, мысленно нащупал координаты ткани, запустил считывание данных, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза.

И сразу почувствовал ее так явно, будто Инга сидела рядом.

Она носила ее с собой, тряпицу. И нет, он не обязан был оставлять ей документы и деньги (спонтанное решение), но намеренно дал отрез отражающего плащевика, уже в машине, не доехав до Земли, знал – пригодится.

Вот и пригодился.

Отрез теперь транслировал прямо Риду в мозг ее эмоции, ее «запах», саму Ингу.

И Герхер-Вард ощутил то, чего не ожидал – он скучал. Прошло совсем мало времени, а он успел по ней заскучать, по этой человеческой девчонке, похожей чувствами на бурлящий котел. Теперь вдыхал ее, как запретное наслаждение, как чрезвычайно приятный для сенсоров порошок, делающий его, впрочем, снова нестабильным, полным брешей.

Дал команду: сначала. Ее эмоции с того момента, как он уехал. И они плеснули в него, как океанские волны в разверзшийся каньон: печаль, отчаяние, зверски сильное нежелание быть здесь, на Земле, в мире, которому она уже не рада. Отторжение, злость на бессилие, печаль. Беспокойство, много беспокойства, а посреди него яркий луч – желание вернуться. Такое сильное, что он вдруг почти задохнулся, считав его. Инга не выбросила «дурь» из головы – о нем, о них. Наоборот. Держалась за этот свет, как за якорь, желала не самих Уровней, хотя любила их тоже, но за него. За Рида.

Он понял, что ошибся, в первую же секунду, как уловил ее дерзкую мечту-пламя, разгорающуюся все ярче – он не стабилизируется сегодня. И нет, где-то внутри он не желал, чтобы она смирилась с ситуацией, забыла о своих словах, сдалась. Теперь знал: она не сдастся. Ни через сутки, ни через месяц, ни через год. Сотрет руки в кровь, а ноги в мозоли, все будет искать путь… к нему.

И впервые размяк, понял, что значит «лапочка». Не само слово, а ощущение: та, которую хочется обнять даже через расстояние.

– Все в порядке? – спросили вдруг сбоку.

Кажется, Герхер-Вард погрузился слишком глубоко, не заметил.

– Да, в порядке.

Несколько минут делал вид, что работает. После неслышно приказал: дальше.

И, словно фильм, увидел по чужим чувствам продолжение: Инга возвращается в старый дом (печаль, непринятие, злость), какое-то время пытается не сползти в депрессию, после касается ткани – Рида на этом месте обожгло волной ее желания быть с ним рядом, погладило водопадом искр через позвоночник. Он выкрутил сигнал канала на максимум, но понижать теперь не хотел, понял, что сбоит собственное дыхание. Стабилизировался как мог. Дальше…

Поразительно, но она запиталась от плащевика, как от батарейки, успокоилась. Совершила несколько полезных действий, искупалась в призрачном удовлетворении, после приняла некое рациональное решение что-то купить. Благодарность за деньги омыла Герхер-Варда весенним дождем, что-то подтопила в его сердце; дальше ее философское настроение – поездка.

А вот после…

Вероятно, она добралась до пункта назначения, когда ее внимание резко переключилось с философских размышлений на кого-то. На мужчину.

Герхер-Вард в который раз за последнюю минуту выдал нестандартную реакцию – напрягся. Неожиданно сильно для себя самого.

«Она посмотрела на другого мужчину…»

Он даже попытался отследить шлейф, но понял, что не сможет, пока она к этому мужчине не прикоснется. Если так, он наложит на того черную метку даже отсюда – скрипнули под его сжавшимися кулаками подлокотники кресла. Хорошо, что Хоксон вышел, что не видел, как сжались в полосу губы Рида.

Спокойно… Спокойно…

Это просто случайный интерес, просто любопытство. Доля восхищения внешним видом, но равнодушная – так любуются статуями.

Остыл процентов на пять.

Черт, если так пойдет дальше (они даже не вместе), ему лучше не касаться плащевика, чтобы не провоцировать нежеланный ход событий на Земле. Чью-нибудь травму, например. И даже Сиблингу он за это отвечать не будет, никому не будет.

Но еще более интересное событие случилось чуть позже – Инга испытала шок. Такой глубинный, что ткань сканировала резкое изменение давления, пульса, зафиксировала короткую тахикардию. Что она увидела? Шок этот длился тогда, когда она завершила дела, когда села в транспорт, когда вернулась в старый

дом. Прошел час с лишним, а ее состояние изумления, недоверия к случившемуся, онемения не прошло. Как и дичайшая жажда что-то срочно прояснить.

Не приведи создатель, это связано с тем мужиком…

Рид вдруг понял – ему мало радиосигнала. Ему нужен иной доступ на землю: визуальный экран-ретранслятор, работающий в режиме реального времени. Чтобы видеть. Он хотел стабилизировать собственный фон? Хрен. Его частоты пошли волнами, рябью, раздражением. К тому времени, когда коллега вернулся в кабинет, Герхер-Вард понял, что сотворит новый сложный канал, по которому сможет все видеть. Все, черт его дери…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veronika-melan/bilet-zemlya-nordeyl

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити